

Добро и воля.

Заметки об Ирине Чуковской.

"Цель творчества самоотдача" – Б. Пастернак"

Мне трудно вспомнить, когда я познакомился с Ириной Чуковской. Возможно, это произошло в одно из празднований дня рождения моего отца, Станислава Нейгауза.

Или на одном из концертов класса отца. Не помню. Наверное, и не в этом суть...

Главное, что поразило меня тогда меня в Ире – это огромная сила воли. Если хотите, воля к жизни, слышимая практически в каждом звуке. В ее разговоре, так же намеренно акцентированном, в ее скупых словах, в ее ударениях, в ее исполнении – то романтически-мечтательном, то правдиво-суровом. Мне неожиданно вспомнилось пастернаковское "Во всем мне хочется дойти до самой сути...". Играла и говорила Личность, которой действительно было что сказать. Мой дед писал, что настоящий талант включает в себя три элемента: страсть, интеллект, техника. Все это я слышал и видел как в Ирином искусстве, так и в жизни. Играла ли она бетховенские сонаты, шубертовские экспромты, шопеновские ноктюрны, баллады, скерцо – всегда и везде я слышал все эти три "дедовские составляющие". Добавлю от себя (если позволите столь кощунственное вмешательство): на мой взгляд, одна страсть не может заменить собой волю. Эта воля к преодолению, эта "всегда добивающаяся своего" настырность в игре, в занятиях означает прежде всего преданность Музыке. И лишь потом – чему-то другому.

Со времени нашего знакомства Ира остается одним из самых преданных друзей нашей семьи. (Даже здесь нужна огромная сила воли, как это ни парадоксально). А еще – добро. И искренняя человеческая любовь, которая зачастую переходит уже в библейское определение агаре. Впрочем, наверное, я немного фамильярничаю. Ну, что тут поделывать, не станешь же писать о такой чудесной пианистке (и замечательном человеке!) казенно-биографическую справку вроде "родилась, проживала, училась, преподавала, давала концерты, спасибо, что еще не умерла". Так что заранее прошу прощения у читателей, хотя без сухих автобиографических строчек в любом случае не обойтись.

Итак, родилась Ирина Владимировна Чуковская в Ташкенте (дело было еще в СССР), в музыкальной семье, там же и начала сама учиться музыке под руководством Т. Попович. В возрасте семи лет сыграла D-dur'ный Концерт Гайдна с местным оркестром. В возрасте тринадцати лет дала там же свой первый сольный концерт. Но высокоодаренной и многообещающей пианистке стало тесно даже в Ташкенте. Она перевелась в Москву, в ЦМШ при МГК. Еще тогда, учась в знаменитой десятилетке – "кузнице талантов", она успешно выступала с такими известными дирижерами, как И. Гусман, А. Чистяков, Е. Колобов (не говоря о сольных выступлениях!). Получила высокопрофессиональное образование у проф. МГК В. В. Горностаевой. Закончив десятилетку, поступила в МГК, в класс моего отца. С. Нейгауз очень хвалил ее исполнение g-moll'ной сонаты Шумана, иногда говорил, что лучшего он не слышал. "Да еще в таком возрасте?!" – удивленно спрашивал он сам себя. Впоследствии Ирина

Владимировна снова вернулась в класс проф. Горностаевой, а аспирантуру закончила по классу проф. Д. А. Башкирова. В то время (как, впрочем, и сейчас) подобные "шатания" шли только на пользу студентам. Они позволяли ученикам взять "от всех лучшее", будь то "школа" Нейгауза или Гольденвейзера (согласитесь, как мелочно это сегодня звучит!). Но еще в 1980 году Ирина стала лауреатом международного конкурса им. Шопена в Варшаве. Сегодня существует множество конкурсов Шопена в самых разных странах этого мира, а тогда был только один. На так называемом "соревновании" Ирина предлагает ИСКУССТВО. А не столь популярный в такого рода состязаниях спорт. Она играет глубоко выстраданные пьесы, выученные под руководством отца: четвертое скерцо, третью балладу. Важен каждый такт, каждая нота, каждый звук. Ритмическая организованность – с едва заметным *rubato* (чтобы члены жюри не придрались!), виртуозность, изящество, высоко насыщенная культура звука, и, наконец – собранность, та самая самоорганизация, которой я до сих пор завидую белой завистью...

Странно, но именно после этого Ирина Владимировна становится моим самым близким другом. Мы обсуждаем программы друг друга, она берет уроки у меня ("А что Станислав Генрихович говорил по поводу первой баллады? По поводу этого скерцо? Про с-тол'ный ноктюрн? Как жалко, что я на ваших уроках не присутствовала!"). Я тоже что-то ей играю, прислушиваюсь к ее советам. Так проходит еще несколько лет. (Особенно запомнились ее трактовки четырех Экспромтов Шуберта, ор. 90, шести ноктюрнов, третьей баллады и всех четырех скерцо Шопена.) Часто Ира выступает вместе со мной в Зале Музея Скрябина. Дает концерты в БЗК и МЗК МГК, в КЗЧ, в БЗФ Питера, в Будапеште. Потом, как и все нормальные музыканты, пытается счастья за рубежом. Не забывает известной поговорки "только дураки не учатся". Посещала класс проф. Теодора Летвина. Иногда даже пробовала себя в игре на клавесине. Постоянно играет произведения Шостаковича (24 прелюдии ор. 34, прелюдии и фуги, 2-я соната, "Афоризмы"), одновременно с огромным успехом исполняет произведения Утвольской, М. Коллонтая. Неожиданно звонит мне: "Ты слышал Чакону Губайдуллиной? Гениальная музыка! Ты ее обязан выучить! Ноты я тебе пришлю". Таким образом, Ирина становится не только музыкантом-романтиком, но и ярким пропагандистом русской музыки. В ее репертуаре все большее количество занимают такие авторы, как Глинка (кстати, зря мы иной раз иронизируем над его фортепианными опусами, многие весьма трудны даже чисто пианистически), Даргомыжский, Скрябин, Прокофьев. Преподавать Ирина Владимировна начала довольно рано. Сначала – как ассистент в классе моего любимого Музыканта, гениального педагога и выдающегося пианиста, профессора МГК Льва Николаевича Наумова. Почти одновременно начала работать в Гнесинской Академии музыки. Сейчас она – профессор РАМ им. Гнесиных, заслуженный работник культуры Российской Федерации. (Могли бы давно дать "ярлык" Заслуженной Артистки, но, видимо, государству такой подвиг не под силу. Несмотря на то, что Ирина Владимировна дает множество мастер-классов в США, Южной Корее, Черногории, Сербии и Греции, и играет со многими выдающимися дирижерами мирового уровня.)

Когда умерла моя горячо любимая жена, Ира первая откликнулась с соболезнованиями. И – помогла, чем могла. (Кстати, именно на этом основании, я

могу назвать ее "последним романтиком"). Далека дорога от Москвы до Тель-Авива, трудно бросить семью, чтобы лететь за тридевять земель незнамо куда, но Ирина помогала мне и на расстоянии. Регулярно переписываясь со мной по скайпу, звоня по телефону, и постоянно подбадривая меня. Многие очевидцы (например, покойный И. В. Никонович) рассказывали, будто гениальный В. В. Софроницкий, слушая по радио запись того или иного пианиста, любил комментировать: "Вот, послушайте. Не правда ли, хороший человек играет?" Или наоборот: "Страшная личность!". Наше искусство неотделимо от той степени добра, которое мы в себе несем, или – не несем.

В этом смысле я убежден, что нам не следует обращать внимание на столь популярные нынче, сколь и подлые по своей сути вопли вроде: "хороший человек не профессия". Нет, это профессия, причем та, в которой отнюдь не многие способны себя проявить. Даже пианизм в этом смысле легче. Как недавно сказал мой друг, слушая большинство современных лауреатов, трудно понять, кто играет: то ли музыканты, то ли уполномоченные концертных агентств. В случае Ирины Чуковской подобного вопроса никогда ни у кого не возникало контролируется эмоциями, подчиненными строжайшей ритмической дисциплине. Да, несмотря на ее неизменную молодость и красоту, она, как мне кажется, больше принадлежит прошлому веку. К тому веку, когда еще ценились такие качества, как правда, честь, добро, вера, совесть. Поэтому – вслушайтесь. Вслушайтесь, как тонко, нежно, и одновременно упруго, строго она "пропевает" главные темы серединок всех скерцо Шопена, как яростно и она набрасывается на жестоко-ироничные отрывки Шостаковича, как в шумановском "Отчего?" слышен трагичный вопрос (ведь часто люди воспринимают эту пьесу весьма легко-лирически!), как виртуозен в ее исполнении f-moll'ный (хроматический) этюд Листа, как строго и глубоко она исполняет баллады Брамса (ор. 10), каким мягким спокойствием дышит ее исполнение мазурок Шопена, и вы поймете: секрет Чуковской отнюдь не в пресловутом перевоплощении. Просто она так мыслит. Ее исполнение предельно искренне. И каждая мысль (а их у Чуковской больше тысячи на такт). Впрочем, время читателя дорого, пора и заканчивать. Как ни парадоксально слышать это от профессионального богослова и музыканта, но мне хочется закончить эту зарисовку строками того же самого поэта (в доме-музее которого Ирина так часто играет): "... И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба".

Генрих Нейгауз младший,

Израиль